

Степаненко Р.Ф.

## ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ДОКТРИНЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

**Аннотация:** Предметом исследования настоящей статьи являются особенности и закономерности организации и получения знаний о формировании таких самостоятельных направлений правовой политики, как этно– и гео–политика. Обосновывается необходимость междисциплинарных научных коммуникаций отечественной и зарубежной областей гуманитарных и ес–тественно–гуманитарных знаний, а также взаимодействия правотворче–ской и правореализационной сфер деятельности в осуществлении данных направлений. Помимо прочего уделяется внимание дифференциации уровней теоретических исследований, лежащих в основе их типологизации на мега– и метатеории. Автором статьи применялись философский, общенаучный и специально–юридический методы исследования правовой политики при содействии этнометодологических практик. Сделан вывод о важности изучения международной правовой наукой взаимодействия различных (зарубежных и отечественных) субъектов правоотношений в сфере правовой политики в целом, основанного на особенностях их правовых систем, а также национального законодательства. Важная роль в познании данных общегуманитарных проблем отводится синергичной юриспруденции.

**Ключевые слова:** Этнометодология, правовая этнополитика, правовая маргинальность, правовая политика, междисциплинарность, мультидисциплинарность, синергичная юриспруденция, правовая геополитика, правовая научно–исследовательская политика, правовая образовательная политика.

**Abstract:** The subject of this research is the peculiarities and regularities of the organization and acquisition of knowledge on formation of such independent vectors of legal policies as ethno– and geo– politics. This work substantiates the need for interdisciplinary scientific communications of Russian and foreign areas of humanitarian and natural–humanitarian knowledge, as well as cooperation of lawmaking and law–enforcement areas in realization of these vectors. Attention is also given to the differentiation of the levels of theoretical research that lies in the foundation of their typologization on the mega– and metatheory. The author concludes that it is important for the international legal science to study the cooperation of various (Russian and foreign) subjects of legal relations in the area of legal policy as a whole, based on the specificity of their legal systems and national legislation. A significant role in cognition of the presented general humanitarian issues belongs to synergetic jurisprudence.

**Keywords:** Ethnomethodology, legal Ethnopolitics, legal marginality, legal policy, interdisciplinarity, multidisciplinary approach, synergetic jurisprudence, legal geopolitics, legal research policy, legal education policy.

**М**етодология современных правовых исследований вообще, в особенности в формате междисциплинарности, представляет собой достаточно проблемную сферу фундаментальной юриспруденции. Междисциплинарные исследования, по нашему мнению, не есть простая совокупность (сумма) или механическое соединение, множество подходов, методов, приемов познавательных практик, т.е. их конвергенция. Последняя является предпосылкой, предтечей (авторским замыслом, идеей) дальнейшего конституирования научных знаний более высокого уровня, объединяемых, по мере необходимости,

в самостоятельные теоретические, метатеоретические и мегатеоретические конструкции.

В данном контексте наиболее предпочтительными, на наш взгляд, являются процедуры синергии, т. е. слияния (конгрегации) и взаимодействия разнообразных междисциплинарных или же, в случае соединения гуманитарного подхода с естественно–научным, мультидисциплинарных (синтетических, интегративных, коммуникативных) и, безусловно толерантных по отношению друг к другу практик, используемых в многоуровневых способах организации научной рациональности различной

направленности. Их эвристические способности и возможности, объединяются в современном правоведении на «стыке» взаимозаинтересованных во взаимодействии (основанных на принципах «полиферации» П. Фейерабенда, принципе «дополнительности» Н. Бора, принципе «включения знания» Л. Розенфельда, принципе «множественности знаний» СМД-методология и др.) научных дисциплин (гуманитарных и естественно-гуманитарных, отечественных и зарубежных).

В контексте современной парадигмы социогуманитаристики (релятивистская эпистемология), ориентированной на синтез, плюрализм и многообразие подходов в получении адекватных и верифицируемых теоретических и эмпирических знаний, современная *синергическая юриспруденция* не может не испытывать потребность в новых, а также реактуализации уже имеющихся методологических схем и моделей. В этой связи она находится в поиске интегрального видения и обоснования в исследованиях таких полифункциональных, сложных социально-правовых конструктов (систем, феноменов) как, например, правовая политика.

Правовая политика, означающая в одном из её определений системную деятельность федеральных и региональных органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, граждан, основанную на праве и направленную на сохранение и воспроизводство права, не может формулироваться вне интересов человека, сообществ или коллективов людей. В ином случае, правовая политика, не имеющая своей целью развитие самоценности человека, ведёт к автократии, нивелирует общегуманитарные стандарты социальной справедливости в сфере охраны, защиты и соблюдения прав и свобод личности [1. с. 23, 24].

Последнее, являясь безусловно базовым и приоритетным направлением, как внутригосударственной, так и международной правовой политики, при активизации отдельных социально-правовых, политико- и экономико-правовых и иных трендов негативного характера (например, обострение межнациональных, межконфессиональных отношений, резкий рост нелегальной миграции, безработицы и т.д.) оказывается нереализуемым без изучения вновь возникших проблемных сфер современной правовой действительности. В свою очередь, исследование актуальных процессов деструктивного для законопорядка характера, ставит перед фундаментальной юриспруденцией общетеоретические задачи – классификации правовой политики в целом по новым основаниям.

Вообще, диапазон юридической критериологии достаточно обширен и, в зависимости от характера происходящих социально-правовых и иных процессов может как сужаться, так и расширяться. Отмеченные нами, в частности, проблемы обострения межэтнических отношений внутри государственных устройств, интенсифицируют научный интерес правоведения, в т.ч. теории правовой политики в получении, построении и обосновании новых знаний и концепций правовой этнополитики. Эти же проблемы, выходящие за пределы, допустим, отечественной государственности и дополняемые иными деструктивными явлениями в межгосударственном пространстве (геополитические, геоэкономические и др.) формируются в концептуальное направление правовой международной политики – правовая геополитика.

В дальнейшем, при возрастании научной заинтересованности к заявленной проблематике и при соблюдении отдельных условий: 1) методологической самостоятельности концепций; 2) их научной целесообразности; 3) обоснованности и верификации их идей; 4) методологической культуры исследователей и др. [2] Возможно преобразование данных концепций в теоретические конструкции разных иных уровней (мега- и метатеории).

В свою очередь концепция правовой этнополитики, впрочем, как и любая другая идея теории, стремящиеся к всесторонности обоснований, максимальной аргументации своих положений и выводов, должны быть методологически ориентированы на возможность «вписанности» их научных внутриорганизационных и содержательных проблем в наиболее широкий контекст мета и мегатеоретического континуума. Это с одной стороны.

С другой, если эта концепция в достаточной степени обладает объяснительно-прогностическим потенциалом, указывающим на ее «силу», и способность экспансировать в сопредельные или же междисциплинарные научные практики или же интериоризировать из них конкурентоспособные, верифицируемые, абстрактно и рационально организованные знанивые комплексы, то её архитектоника (критерий конструктивности) может быть воспринята как самостоятельный позитивный, в частности, индуктивно-дедуктивный опыт, общеметодологической инженерии современной науки.

Предположим, если речь идет о сверхактуальной проблеме построения правовой геополитики (в данном случае – метатеория – Р.С.), то теория правовой этнополитики, базирующаяся на фундаментальных положениях мегатеории правовой по-

литики в целом, и по усмотрению исследователей, а также в рамках коммуникативной целесообразности на иных уровнях теоретических обоснований, является «частным случаем» или возможно эпифеноменом, а в другом алгоритме – «необходимым прогностическим элементом» в построении общеметодологического взаимодействия более широкого контекста. Если же причины такого взаимодействия отсутствуют, то концепция правовой этнополитики может представлять собой метатеорию, выстраиваемую в зависимости от определённых условий, на которых мы далее остановим внимание.

В этой связи представляется, что например дескриптивно-прогностические теории, такие как общеправовая теория маргинальности, репрезентирующая знания об отчужденности, пограничности и неадаптированности основных субъектов правоотношений, в широком смысле – государства и личности от всеобщих ценностей и идеалов права (правовая маргинальность), при помощи выводимых ею положений, могут быть элементами в реконструкциях парадигм более высокого уровня, значимых, например, как для построения стратегий правовой политики в целом, так и таких её направлений как правовая этно- и геополитика.

При этом примечательно, что включение таких дескриптивно-прогностических (описательно-прогностических) теорий не является, вообще говоря, обязательным условием построения мега и метатеоретических конструкций, т.к. они не состоят в строгой иерархической подчиненности с теориями более высоких форматов. Однако, при достаточной степени обоснованности и аргументации они могут представлять собой значительный научный интерес для включения их в более широкие правовые обобщения, содержащиеся, например, в учениях о причинах правонарушаемости, доктринах о правом государстве и праве в целом и т.д. В том числе с позиций методологической рациональности юридической науки.

Так, опыт изучения каузальной природы, основных характеристик, особенностей, закономерностей взаимосвязей и стохастических факторов, обуславливающих негативное влияние правовой маргинальности на качество отечественного законопорядка, который используется в общеправовой теории маргинальности, конституируется в формате: а) внутриотраслевого направления теории и истории права и государства (теория права и государства, история учений о праве и государстве, история отечественного и зарубежного государства и права, история правовых и политических учений, мето-

дология юридической науки и т.д.); б) межотраслевого (синтез конституционного, международного, гражданского, административного, уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, трудового и семейного права, права социального обеспечения, профессиональной этики юриста и т.д.); в) при помощи и содействии междисциплинарного (философия и социология права, политико- и экономико-правовые направления, правовые антропология, конфликтология и психология и др.) подход для достижения поставленных исследователями целей представился наиболее актуальным и целесообразным [3].

В данном контексте следует отметить, что поиск и обоснование гносеологических возможностей каждого нового метода (методологии) в правовых исследованиях, используемых для верификации объектно-предметных сфер изучения, как правило, всегда имеет особое научное назначение и неизменно влечёт за собой переход от одного уровня знаний к другому, более высокому, от эмпирических к теоретическим, от суммативных, разрозненных знаний к системным. Такие исследования, направленные на разработку проблемных сфер методологического свойства правоведения, В. М. Сырых называет «метатеоретическими исследованиями» [4] в соответствии с одной из гносеологических концепций.

В другом философском направлении, метатеорией является теория, задающая видение, логику и средства (концепты) описания той или иной исследуемой области с позиции принципиальной мультипарадигмальности (плюралистичности) социогуманитарных дисциплин, способствующей их: а) «вписанности» в содержание культурно-научного пространства; б) «порождению» новых специфических дискурсов в научных коммуникациях [5, с. 279]. Однако, если правовая теория обращена только к познанию исследовательских процедур по поводу изучаемого объекта, а не к самому объекту, то в своём содержательном плане она не в полной мере может являться методологическим средством получения именно юридического знания. Скорее всего разработка новых методологических подходов правоведения, в определённом смысле редуцирующая его объектно-предметную сферу изучения, хотя и обладает серьёзным аналитическим и прогностическим потенциалом, в то же самое время может оказаться недостаточно продуктивной для юриспруденции и ожидаемых ею преимущественно «скорых и осязаемых» результатов в практическом смысле.

В теоретическом исследовании *метод должен составлять органическое целое с его предметным*

содержанием, то есть теория должна сосредоточить в себе два плана исследований: содержательно-теоретический и методологический, считает Н. Н. Тарасов [6, с. 221, 222]. Непременно, при условии включения в содержание теорий этих двух основополагающих дискурсивных аспектов, на наш взгляд, научное знание может приобретать форматы метатеоретических исследований с наибольшим прагматическим эффектом.

Между тем, практики применения нового, а также реактуализация и эволюция междисциплинарного подхода, объективирующие в современном теоретическом правоведении содержательную общенаучную проблематику о государстве, праве и личности, и одновременно апробирующие новые методологические способы познания социально-правовых явлений (в особенности в исследовании сверхактуальных этно- и геополитических феноменов), помимо традиционно применяемых узкоюридических методов, сегодня, как видится, более чем востребованы и включают в себя (хотя и не столь часто) философские, социологические, исторические, экономические, политические, антропологические (ещё менее – психологические, биологические и др.) и иные гуманитарные и естественно-научные подходы в изучении внутри- и межгосударственной, а также межличностной (взаимодействие законодателя, правоприменителя и тех, кому адресованы нормы права) правовой реальности.

Междисциплинарность, включающая в себя систему множественных методологических способов и приёмов общенаучного и частнонаучного характеров, ориентирована, как отмечалось, на нахождение наиболее значимых из них для получения системного знания об объектно-предметной сфере исследований правоведения. В связи с чем, в частности, синергичная юриспруденция обращается к новейшим и к уже имеющимся, но фактически мало используемым методологическим практикам организации научных знаний, содержащимся в разнообразных по способу и характеру поставленных и решаемых задач теориях (фундаментальных, гипотетико-дедуктивных, дескриптивно-прогностических, индуктивно-дедуктивных и др.). При этом целостность теоретико-правовых конструктов верифицируется методологической обеспеченностью и оправданностью процедур, максимально полно отражающими познанные и «натурализирующими» содержание выдвигаемых гипотез и проблем в изучении исследуемых объектов и предметов. Методологическое видение, логика и схематизмы рассмотрения сложных социально-правовых фено-

менов при этом перманентно дополняются общенаучной рефлексией и дискурсами, «выбирающими» и «вбирающими» в себя наиболее приемлемые и потенциально значимые для познания кинетики (статики и динамики) государственности в целом, в рамках поставленных правоведением задач. Одной из таких методологических схем является этнометодология, значение которой для познания этно- и геополитических проблем возрастает в контексте формулирования целей и реализации задач правовой науки и практики, акцентирующими внимание на эмпирическом подтверждении теоретических идей и замыслов, в т.ч. с использованием процедурности наблюдения (правовая социология и правовая антропология). Одной из таких процедур наблюдения является эмпатия.

Эмпатия (от лат. *vchuvstvovanie*, проникновение) – способность представлять себя на месте другого человека, понимать его чувства, желания, идеи и поступки, т.е. проникновение в переживания других людей [7. с. 318].

Одна из форм эмпатии, приобретающая, на наш взгляд, в методологии современных исследований сложных социально-правовых явлений особую актуальность, экстраполируется в сферу теоретической и практической юриспруденции, заинтересованной в получении результатов, посредством эмпирических наблюдений за указанными процедурами, а также при помощи понимания и «вчувствования» в идею (образ) конкретно изучаемой наукой сферы межнациональных, межконфессиональных, этно- и геополитических взаимоотношений между государствами и их гражданами (этносами, народами).

Этнометодология (дословно) – учение о том, как «поступают» (взаимодействуют) народы. Это теоретико-методологическое направление социологии, основанное на культурной и социальной (в нашем случае – синергичной – Р.С.) антропологии. Основными объектами ее критики являются фундаментализм, позитивизм, марксизм. Объектом изучения этнометодологии является мир повседневности, в котором *люди* взаимодействуют друг с другом в социальном мире – мире согласованного упорядочивания общественных отношений [5. С. 1277]. Гипотезы этнометодологии формируются в процессе изучения внутри и межгосударственных коммуникаций, направленных на достижение согласия и взаимодействия людей, построения их взаимоприемлемых связей, структур и механизмов (правовая этно- и геополитика).

Представляется, что такая коммуницирующая и плюральная (– Р.С.) модель (вид) методологии

как этнометодология, а также возможности ее потенциальных научно-исследовательских и практических ресурсов, приобретают исключительно важное значение при формировании стратегий отечественной правовой этнополитики, как: «... системной деятельности государственных органов по установлению межнационального и межконфессионального согласия в обществе, основанной на принципах равенства прав, свобод, законных интересов и обязанностей человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка происхождения, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств, в своей совокупности обеспечивающей упрочнение и развитие многонационального Российского государства» [8]. А далее – при обосновании правовой геополитики уже в международном формате межгосударственного и межличностного взаимодействия.

Изучая при помощи этнометодологических подходов такие политико-правовые феномены (категории) как: народ (общество), являющиеся, по мнению Р.А. Ромашова и Е.В. Пеньковского, социальным основанием государства в целом и государственной власти в частности, а также выступающие в качестве объекта управления в контексте установления миропорядка, в т.ч. законопорядка; отчужденность этнокультурного свойства представителей этнических меньшинств, мигрантов, в т.ч. нелегальных; этническую маргинальность в изменяющемся мире, этническую идентификация, этнокультурные процессы трансформации, а также многое другое в формате правовой концепции мироустройства и миропорядка [9], на наш взгляд, их системное видение возможно предметно и концептуально формулировать в рамках доктрины правовой политики, целью которой является установление современного законопорядка при помощи эффективной деятельности всех субъектов правотворчества и право-реализации, осуществляющими её как на международном, так и внутригосударственном уровнях.

Например, научный интерес общеправовой теории маргинальности, в рамках которой обосновываются положения о необходимости формирования правовой этнополитики, как представляется, аргументирован и сформулирован с позиций как общетеоретического, так и сугубо практического интереса юриспруденции посредством обоснования способов эффективного правового регулирования или же правового воздействия на негативные социально-правовые, миграционные процессы [10].

Ключевая практическая роль в решении данных проблем, помимо всех задействованных в этой си-

стеме государственных структур, безусловно принадлежит, (в частности, на внутригосударственном уровне) как отмечает О.Ю. Рыбаков, Президенту Российской Федерации, который в установленном Конституцией Российской Федерации порядке принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, а также эффективной деятельности законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Вообще же, по мнению автора, характер взаимодействия личности и государства должен быть реализован как единство, прежде всего всеобщее политическое единство [1, с. 14-16]. Данное положение в целом коррелирует с основными научными посылами этнометодологи, в особенности при обосновании целей и задач современной правовой геополитики. Субъектами осуществления и реализации последней должны становиться уже международные органы и организации, взаимодействующие совместно с представителями сложившихся и функционирующих правовых систем государств, а также непосредственно деятельность и взаимодействие их руководителей, на изучении эффективности которых деликатно настаивает этнометодология.

Этнометодологические схематизмы в теории правовой политики – как «искусстве» управления обществом при помощи права (по Муромцеву. – *Р.С.*) [11] должны иметь своей целью обоснование и установление оптимального согласия и конвенциональной кооперации. В правовой науке этнометодология (*правовая этнометодология*) должна «опредмечивать» через социально-юридическое мышление, в т.ч. социолого-правовое эмпирическое знание, в общенаучном пространстве на юридическом познавательном и профессиональном уровнях переход практической «составляющей» индексных (производных от повседневного опыта) правовых суждений в объективные междисциплинарные правовые знания (общие свойства, закономерности, особенности, существенные связи объектно-предметных областей общенаучного и правового изучения). В науке это предполагает, прежде всего, согласованность действий континуума исследовательского опыта и практик отечественной и зарубежной научной рациональности в познании одного и того же предмета, например, международного законопорядка (миропорядка).

В практической деятельности плюральность взаимодействий, предположим, правотворцев и правореализаторов должна осуществляться независимо от темпорально-пространственных факторов, но, *безусловно, с учетом отдельных осо-*

бенностей их правовых систем, т.е., по существу, речь идет уже даже не столько о законопорядке (или автономном изучении зарубежной или отечественной наукой одного и того же феномена) отдельно взятого государственного устройства, а о качестве миропорядка – как сверхактуальной острейшей проблемы сбалансированного и оптимального сосуществования цивилизованного, либо находящегося на разных ступенях эволюции человечества, основанного на общечеловеческих, общегуманитарных *принципах* (нормах-принципах), международного права. В свою очередь : «Для установления подлинной природы принципа права, его структуры, содержания, формы и функции, места и роли в конкретных разновидностях юридической практики в правовой системе требуется комплексный подход, включающий лингвистическое и формально-логическое, философское и социологическое, психологическое и историческое, юридическое и иное обоснование рассматриваемого феномена». [12, с. 165] Это во-первых.

Во-вторых, необходимо «вчувствование», «вживание» (эмпатия) в проблемы общесоциального и межкультурного правового взаимодействия, характеризующегося сегодня глобальными и стихийными, не регулируемые в достаточной степени международным правом, современными геоэкономическими, геополитическим и другими процессами.

Этнометодология, не приемля принципиальных разрывов между субъектами и объектами изучения и описаний, не допускает дистанцирования исследователей от социально-антропологических контекстов их познаний. Непосредственное изучение повседневных коммуникаций между людьми – одна из основных задач этнометодологии.

Г. Гарфинкель отмечает, что этнометодолог, решающий проблему научно-теоретической и практической целей исследования должен: а) прояснить и констатировать в работе различные корреляты рациональности ее задач, при изучении деятельности как отдельного человека, так и характеристик отдельных культур (систем); б) структурировать и обобщить их поведенческие признаки на основе анализа опыта их взаимодействий; в) дифференцировать эти признаки на дефинитивные и эмпирико-проблематические; г) выработать различные варианты решений проблем для организации действий объектов как свидетельств социального порядка [13. с. 42-46].

Что касается отечественного законопорядка, то одним из важнейших условий его установле-

ния и функционирования является, по мнению Б.С. Эбзеева, устранение взаимного отчуждения власти и общества, способствующего накоплению социальных противоречий и представляющего собой глобальную угрозу целостности России и ее цивилизованной идентичности [14], и не только. Эти же положения могут быть трансформированы, на наш взгляд, в область исследований международного права в т.ч. при помощи этнометодологических практик.

Социогуманитарист, в том числе этнометодолог в сфере правовых познаний, не может занимать позиции «отстраненного» от общенаучного пространства наблюдателя. Российские и зарубежные ученые правоведы конструктивно и толерантно взаимодействуя, должны находить и формулировать общечеловеческие ценности, идеи, основы и принципы для последующей констатации их в международных и внутригосударственных нормативно-правовых актах.

Глубокое проникновение в суть глубочайших проблем этнополитики возможно и должно в свете конкретно-исторического мирового опыта, справедливо отмечает В.В. Лазарев. Цитируя А.П. Чехова, автор подчеркивает важность положения о том, что *национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения*. Есть национальный опыт государственно-правового строительства, нуждающийся в изучении на предмет коррекции этих истин с учетом новых реалий. Для чего необходимо изучать не только российское (лишь национальное право), а по преимуществу право вообще [12. с. 14].

В этом смысле необходимо понимание того, что правовые принципы, устанавливаемые в правовых актах и международных договорах должны содержать в себе *разумную и справедливую для всего человечества меру равенства и свободы, формулируемую в результате справедливого и разумного правового законотворчества* [15]. Такое понимание принципов права и самого права представляется нам атемпоральным и атопологичным, в особенности для положений и выводов этнометодологической текстуальности в формулировании основ и стратегий международной правовой политики в целом.

Изучая аксиологические проблемы и критерии результативности, в частности, современной отечественной правовой системы, Н.А. Власенко акцентирует внимание на разумности права – как реальной и функциональной оценке жизненности и действенности государственно-правового механизма. «Разумное право и разумное государство – вот

флаг и русло направленности динамики современного российского права и государственности» [16], подчеркивает автор. При помощи этнометодологических посылов данные положения могут лечь в основу междисциплинарных международно-правовых теоретических исследований.

Этнометодология, по мнению А.П. Огурцова, становится в современности «паранаукой», народной мудростью, переводящей на теоретический язык представления «здорового смысла», она тематизирует и проясняет повседневный опыт [17], необходимый, применительно к юриспруденции, в практическом и научно-исследовательском взаимодействии отечественного и зарубежного правоведения в целом.

Представляется, что особую значимость для методологической состоятельности такого опыта в получении системного правового знания, имеет концепция «исследовательской политики» основателя этнометодологии Г. Гарфинкеля [13. с. 42], сумевшего объединить этнографию и социальную антропологию в синергетической парадигме.

Абстрагированная в сферу юриспруденции, данная концепция приобретает контуры и способствует обоснованию: 1) *правовой научно-исследовательской политики (в том числе правовой доктрины геополитики)* как мультидисциплинарной теоретической модели юридической научной рациональности, способствующей и обеспечивающей формирование синергетического (коммуникативного, интегративного, синтетического) правового (внутриотраслевого, межотраслевого, междисциплинарного и мультидисциплинарного) знания на международном и национальном уровнях при изучении сложных социально-правовых феноменов (правовое поведение, каузальная природа правонарушаемости, миропорядок, законопорядок, правовоззрение, правовая маргинальность, правосознание и правовая культура, правовая идеология, правовое государство и др.) во взаимодействии отечественной и зарубежной науки.

Кроме того, этнометодологические контексты проявляют свою научную востребованность при формулировании *правовой образовательной (просветительской, воспитательной, мировоззренческой, кадровой, организационно-технической и др.) политики*, значимость которой возрастает в транзитивные периоды трансформации государственных устройств, обусловленных процессами глобализации и антиглобализма. Эта политика должна быть, по возможности, солидарной и солидаризирующей для установления идеи (идеала) правового взаимодействия и единения всего цивилизованного международного сообщества, в т.ч. в сфере юридического образования.

лизованного международного сообщества, в т.ч. в сфере юридического образования.

Общечеловеческое, вселенское, по словам В.Н. Жукова, единство не есть результат механического слияния и видимых реальных связей между народами. Земная человеческая история воплощает в себе развитие вселенского единения на пути к идеалу, в одинаковом стремлении всех народов к этому идеалу [18], сформулировать постулаты которого способна международная правовая наука при помощи и содействии этнометодологии.

Синергия (конгрегация) и взаимодействие системы юридических знаний (отечественных и зарубежных) должна происходить и обеспечиваться рефлексивной и дискурсивной методологической процедурностью, подтверждающей общенаучную правовую значимость их кумулятивных положений и выводов, а также дальнейшую их вербализацию в юридических текстах для развития всеобщей и солидарной государственно-правовой цивилизации.

Для понимания всего этого важно, что сегодня теоретическое правоведение сталкивается с философско-методологическими проблемами, *не «в том числе», а «прежде всего»*. Это находит своё выражение при изучении социально-экономических, политических и правовых, культурных, антропологических и иных процессов, где юридическая наука вынуждена относиться как к объекту исследований и к «самой себе», справедливо отмечает Н. Н. Тарасов [6, с. 38,39].

Современная правовая наука должна находить новые и способствовать реактуализации уже имеющихся методологических подходов в получении эмпирических и теоретических знаний разного уровня, как по объёму содержания, так и по их методологическому обоснованию и подтверждению. Тогда и *правовая геополитика как синергия (взаимодействие) различных правовых систем и государственных устройств в реализации международных принципов соблюдения, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в процессе установления всеобщего миропорядка*, станет реальной научно-обоснованной стратегией в правовом коммуникативном международном пространстве.

В заключение хотелось бы отметить, что эвристические ресурсы этнометодологии весьма значительны. Использование её возможностей представляется нам неисчерпаемым в процессе осуществления совместной правовой политики государств, которая исходя из названия не является только национальной или отечественной сферой системной государственной деятельности только автономных

общественных устройств. Это, по нашему мнению, мегатеоретическая конструкция, которая с общенаучных методологических позиций, содержит в себе и занимается исследованиями проблем, обозначенных и изучаемых в уже имеющихся отечественных и зарубежных теориях, в их основных положениях, категориях, гипотезах и т.д. В этой связи следует отметить объединяющую роль доктрины правовой политики, вне и за пределами которой, на наш взгляд, разработки иных теоретических моделей и конструктов оказываются недостаточно эффективными с точки зрения совпадения и солидаризации их телеологических (цель и результат) смыслов. Доктрина правовой политики объемлет и одновременно дифференцирует, прогностически объясняя

каждую их поставленных концептуальных задач в её исследованиях в целом. Достижение её результатов представляется нам наиболее продуктивным при содействии этнометодологических практик.

Содержание, цели и стратегии мегатеоретической парадигмы правовой политики, объективируемые посредством формулирования положений стратегии правовой этно- и геополитики, дополняемые разработками её адептов и последователей в современных исследованиях отечественного и зарубежного теоретического и отраслевого правоведения, непременно должны способствовать реализации идеи установления всеобщего миропорядка, в т.ч. законопорядка в нашем «меняющим ценности» мире человеческих взаимодействий.

### Библиография:

1. Рыбаков, О.Ю. Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства / Рыбаков О. Ю. // Стратегии правового развития России: монография / кол. авторов под ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Юстиция, 2015. С. 9-38.
2. Степаненко Р.Ф. Опыт исследования общеправовой теории маргинальности в контексте методологического плюрализма / Степаненко Р.Ф. // Кутафинские чтения: Материалы V Международной научно-практической конференции : сб. докладов / науч. ред. Т.Н. Радько; сост. А.В. Корнев, С.В. Липень. М.: Проспект, 2014. – С. 99-105.
3. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели / Р. Ф. Степаненко // Государство и право. 2015. № 5. С. 30-39.
4. Сырых В.М. История и методология юридической науки / В.М. Сырых. М.: Норма-ИНФРА-М, 2013. 463 с.
5. Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современ. литератор, 2001. 1312 с.
6. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Тарасов Н. Н. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 265 с.
7. Философия науки в вопросах и ответах / В.П. Кохановский [и др.]. Ростов-н/Д.: Феникс, 2006. 362 с.
8. Степаненко, Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р.Ф. Степаненко. Казань, 2015. 58 с.
9. Ромашов Р.А. Философия права и преступления / Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. СПб.: Алетейя, 2015.
10. Степаненко, Р.Ф. Понятие, основные виды и направления правовой политики в сфере правового регулирования процессов маргинализации / Р.Ф. Степаненко // Право и политика. 2014. № 4.С. 493-504. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.4.11711
11. Муромцев, С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. 2-е изд., доп. СПб.: Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2004. 224 с.
12. Проблемы общей теории jus: учебник для магистрантов юрид. вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 656 с.
13. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
14. Эбзеев, Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования / Б. С. Эбзеев. М.: Проспект, 2014. 336 с.
15. Степаненко, Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности / Р.Ф. Степаненко // Право и государство: теория и практика. 2015. № 6. С. 25-34.
16. Власенко, Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография / Н.А. Власенко; Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: ИЗиСП : ИНФРА-М, 2014. 157 с.
17. Огурцов, А.П. Этнометодология / А.П. Огурцов // Современная западная социология: Словарь / сост. Давыдов Ю.Н. и др. М.: Политиздат, 1990. С. 421-423.
18. Жуков, В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму: монография / В.Н. Жуков. М.: Юрлитинформ, 2013. 400 с.

### References (transliterated):

1. Rybakov, O.Yu. Strategiya prava : v poiskakh harmonii lichnosti i gosudarstva / Rybakov O. Yu. // Strategii pravovogo razvitiya Rossii : monografiya / kol. avtorov pod red. O. Yu. Rybakova. M.: Yustitsiya, 2015. С. 9-38.



2. Stepanenko R.F. Opyt issledovaniya obshchepравovoi teorii marginal'nosti v kontekste metodologicheskogo plyuralizma / Stepanenko R.F. // Kutafinskie chteniya: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii : sb. dokladov / nauch. red. T.N. Rad'ko; sost. A.V. Kornev, S.V. Lipen'. M.: Prospekt, 2014. – S. 99-105.
3. Stepanenko R.F. Obshchepравovaya teoriya marginal'nosti: osnovnye podkhody i tseli / R. F. Stepanenko // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 5. S. 30-39.
4. Syrykh V.M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki / V.M. Syrykh. M.: Norma-INFRA-M, 2013. 463 s.
5. Tarasov, N.N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki / Tarasov N. N. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta, 2001. 265 s.
6. Stepanenko, R.F. Obshchepравovaya teoriya marginal'nosti : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / R.F. Stepanenko. Kazan', 2015. 58 s.
7. Romashov R.A. Filosofiya prava i prestupleniya / Romashov R.A., Pen'kovskii E.V. SPb.: Aleteiya, 2015.
8. Stepanenko. R.F. Ponyatie, osnovnye vidy i napravleniya pravovoi politiki v sfere pravovogo regulirovaniya protsessov marginalizatsii / R.F. Stepanenko // Pravo i politika. 2014. № 4.S. 493-504. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.4.11711
9. Muromtsev, S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava / S.A. Muromtsev. 2-e izd., dop. SPb.: Izd-vo yurid. fak. SPbGU, 2004. 224 s.
10. Garfinkel', G. Issledovaniya po etnometodologii / G. Garfinkel'. SPb.: Piter, 2007. 335 s.
11. Ebzeev, B.S. Konstitutsiya, vlast' i svoboda v Rossii. Opyt sinteticheskogo issledovaniya / B. S. Ebzeev. M.: Prospekt, 2014. 336 s.
12. Stepanenko, R.F. Problemy pravoponimaniya v issledovatel'skikh praktikakh obshchepравovoi teorii marginal'nosti: opyt metodologii mezhdistsiplinarnosti / R.F. Stepanenko // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 6. С. 25-34.
13. Vlasenko, N.A. Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii: monografiya / N.A. Vlasenko; In-t zak-va i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. M.: IZiSP : INFRA-M, 2014. 157 s.
14. Ogurtsov, A.P. Etnometodologiya / A.P. Ogurtsov // Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya : Slovar' / sost. Davydov Yu.N. i dr. M.: Politizdat, 1990. S. 421-423.
15. Zhukov, V.N. Russkaya filosofiya prava: ot ratsionalizma k mistitsizmu : monografiya / V.N. Zhukov. M.: Yurlitinform, 2013. 400 s.